

Часть первая

Детство Черёмушки

В хатке

На закате Горечавка родила трёх малышей.

Ночь выдалась прохладная, но Горечавка не тревожилась: даже у новорождённых бобрят мех густой, а за прочными стенами хатки, промазанными плотным илом, опасаться и вовсе нечего. Горечавка перевела дух, почистила бобрят и улеглась на подстилку из стружек.

— Теперь ешьте, а я подумаю, — сказала она. — Надо же вас и назвать как-нибудь.

Снаружи хрустнула ветка; кто-то приблизился к бобровой хатке, постоял и пошёл дальше во мрак. Горечавка насторожилась, но ни Багульник, ни Рогоз не подали знаков: видно, просто шла на жировку одинокая лосиха. Бобрята, уткнувшись матери в живот, усердно сосали молоко.

— Да тут и думать незачем, — решила наконец Горечавка. — Тебя назовём Хвощом, тебя — Черёмушкой, а тебя — Мятликом.

— Почему? — спросила средняя, Черёмушка.

— Что — почему? — не поняла Горечавка.

Черёмушка растерянно замолчала. Усталая Горечавка то дремала, то просыпалась опять, чтобы повозиться с бобрятами, а те кряхтели, тоненько вздыхали и ели без остановки. Свет в хатку едва просачивался, поэтому бобрята и не заметили, когда ночь сменилась утром, зато вскоре их чуткие шершавые носы уловили в темноте запах — новый, не Горечавкин.

— Это папа к нам пришёл, а это — Рогоз, ваш старший братец, — объяснила Горечавка. — Слушайтесь их хорошенько.

Черёмушка ещё не знала такое слово — «слушаться», но согласно посопела, а Рогоз с любопытством потыкался в малышей мордочкой:

— Ух ты, мам, целых трое!

— Конечно, — откликнулся Багульник. — Мама говорила: нынче выйдет тройня, — а она никогда не ошибается.

Постепенно Хвощ, Черёмушка и Мятлик выучились ползать, переворачиваться и толкаться. Молоко бобряткам давала Горечавка, а Багульника о нём и просить

не стоило, но греться у него под боком им нравилось. Рогоз без конца волновался и переспрашивал у Горечавки, правильно ли он чешет бобрят; Черёмушка про себя считала — правильно. Но едва они успели привыкнуть ко всему за несколько суетливых ночей, как Горечавка заявила:

— А не пора ли вам поплавать?

Малыши и раньше обращали внимание на дыры в глиняном полу хатки, в которых большие бобры

по очереди пропадали, а затем возвращались, неся охапки чего-то влажного, шелестящего и душистого. Горечавка с Багульником бережно покатали бобрят к краям.

— Может, лучше не надо? — забеспокоился Хвощ.

— Ага — не надо! — возмутился Рогоз. — Глупенький, ты ведь не...

— А я не боюсь, — встряла Черёмушка. — Я и за тебя поплаваю, Хвощик, если мама меня научит.

Горечавка придвинула детей поближе к отверстиям. Черёмушка и Мятлик недоумённо тронули друг друга усиками, но вдруг Хвощ с диким визгом плюхнулся вниз, разбросав вокруг холодные брызги. Черёмушка от удивления свалилась за ним, а Мятлика осторожно скинул Багульник.

— Мокро? — хмыкнул довольный Рогоз. — То-то! А попозже вы и наружу выберетесь.

В дыре и вправду оказалось мокро; Черёмушка с интересом поболтала лапами и попыталась погрузиться глубже, но вода оттолкнула её — раз, другой, третий. Рядом неловко бултыхался Хвощ: бобрята были совсем лёгкие.

— Мам! — разочарованно протянула Черёмушка. — Никак!

— Ясное дело, весу-то в тебе нет, — отозвалась Горечавка. — Подрастёшь — получится.

— Точно, — добавил Багульник. — Сперва нужно отъестся.

— Я люблю отъедаться, — вставил Мятлик, выкарабкался, отряхнулся и пошлёпал к Горечавке. Вслед за ним вылез умаявшийся Хвощ; сдалась и Черёмушка, но напоследок всё-таки хлопнула по воде хвостом, а та заколыхалась. Багульник отдыхал, привалившись к спине Горечавки, а Рогоз раскладывал опилки.

— Слушайте! — вскинула головку Черёмушка, отлепившись от Горечавки: у неё внезапно возникла коротенькая мысль. — А я вообще-то не знаю никакой наружу.

— Там ужасно просторно! — воскликнул Рогоз. — Ты и не представляешь.

— У нас тоже просторно, — зевнул Мятлик. — И подстилка мягкая.

— А подстилка откуда взялась, по-твоему? — фыркнул Рогоз и ласково поскрёб Мятлика за ухом. — Эх ты, дурашка! Снаружи всё есть. И трава, и птицы, и ветер, и комары, и дождь, и камни, и лось, и заяц.

— Ого, — восхитилась Черёмушка. — Я, пожалуй, сходила бы в такую наружу, где заяц. А он кто? Мам, а нельзя нам прямо сейчас туда?

— Сегодня не выйдет, дружок, — потёрлась об неё Горечавка. — Нырять-то вы не умеете. Верно?

Багульник хрюкнул, а Черёмушка огорчённо надулась, но скоро её потянуло в сон от мерного дыхания Хвоща и Мятлика.

— Заяц! Комары! — прошептала она, закрывая глаза. — Ничего себе.

Снаружи

Жить бобрятам стало ещё веселее.

Хорошо было мочить в воде хвост, брызгаться или кого-нибудь сталкивать; не Горечавку с Багульником, конечно, а вот братьев — пожалуйста. Черёмушка с удовольствием столкнула бы и Рогоза, но это ей никак не удавалось.

— Ты чего надрываешься? — спросил однажды Рогоз, заметив, что сестрёнка со страшным пытением подпирает его спину.

— Тебя уронить хочу, — ответила Черёмушка и опять часто задышала. — Ух, Рогозик, почему же ты такой тяжёлый?

Рогоз помолчал, затем взмахнул лапами, закачался и повалился в отверстие, а Черёмушка от неожиданности шлёпнулась прямо на Рогоза.

— Во! — обрадовалась она. — Гляди-ка! А я сильная всё-таки.

— Ты ведь девчонка, а девчонки всегда сильные. Знаешь, кто наш дом построил? Угадай!

— Никто, — удивилась Черёмушка. — Он сам...

— Не-а! Его мама сделала, понятно тебе? Камней натаскала, веток, сучков, ила... Она и дерево срезать может! Ну, ей и папа здорово помог, но без неё ничегошеньки не вышло бы. Ладно, хватит, я за травой.

— Наружу, да? — с завистью вздохнула Черёмушка, слезая с брата. — Ой, скорей бы и мне! А дерево выше травы? А птица — она тоже бобр? А я...

— Эй, мелочь! — окликнула бобрят Горечавка, высунувшись из соседнего отверстия. — Не хотите прогуляться?

— Нет! — с испугом пискнул Хвощ. — А куда?

Черёмушка не поверила: неужели пора? За последние ночи она несколько раз пробовала нырнуть в дыру, и вода почти поддавалась, однако Рогоз оттаскивал Черёмушку назад. Но Горечавка будто сказала ей быстрым движением усов: всё, давай. Черёмушка поспешила в проход; её круглые ушки и ноздри сами собой плотно сжались, не позволяя и капле проникнуть внутрь, а глаза затянулись перепонками. Рывок, другой — и впереди заколыхалось облачко света; мгновение — и Черёмушка оказалась в чудном месте.

В сероватом сумраке хатки бобрятам привычнее было слышать, чем видеть, но сейчас Черёмушку окружили яркие пятна: зелень внизу, ясная голубизна и пылающий жёлтый круг наверху. Воздух дрожал от щибета, свиста, кваканья, трелей и шорохов. Пятна становились отчётливее, превращаясь в густые заросли осоки, стебли камыша, гладкие листья рдеста — любимую еду старших бобров. Над водой, усеянной крапинками ряски, склонилась старая кряжистая ива; за ней выстроился реденький осинник, а дальше тянулась синеватая полоса леса.

— Вон — дерево! — раздался позади голос Рогоза: он тормозил Хвоща и Мятлика, а они оторопело цеплялись коготками за Горечавку. — И вон — дерево! А то — утки! Плотина наша! По плотине трясогузка бегают.

Мятлик растопорщил усики, а Хвощ захныкал.

— Ты зачем ревёшь? — растерялся Рогоз. — Тебе не нравится?

— Нра-а-авится, — выдавил Хвощ. — Потому и реву.

Перед носом Черёмушки, сверкая в утренних лучах, вертелась муха. Черёмушка долго смотрела на неё, не шевелясь, а потом опомнилась:

— Я, наверное. в хатку больше не пойду. У меня тут дела.

— Мам! — запротестовал Рогоз. — Чего она выдумывает?

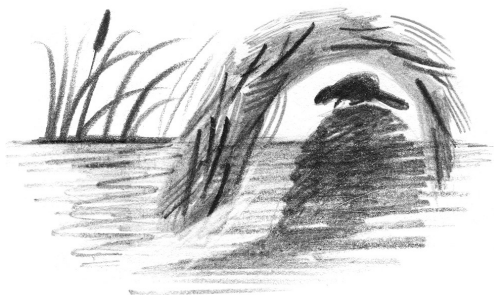
— А я как-то целое лето в кустах дневал, и ничего, — хитро подсказал Багульник, но Горечавка легонько толкнула его:

— Тебе тогда третья весна исполнилась! А ты не торопись, — повернулась она к Черёмушке. — Запруда

у нас, положим, неплохая, но и опасного здесь много. Поплещетесь — и обратно.

Хвощ и Мятлик уплыли к камышам, хватаясь за Багульника и неуклюже перебирая лапами. Рогоз покосился на Черёмушку, но та за братьями не рванулась. Подняв мордочку, она прислушивалась к незнакомым звукам и вглядывалась в развернувшийся перед ней мир — пёстрый, беспокойный, необъятный.

На запруде

Дом Горечавки и Багульника стоял на заросшей речке.

Там, где берега высокие, обрывистые, бобры роют норы, но здесь пришлось выстроить хатку из ветвей и брёвнышек, а реку перегородить плотиной — так рассказал бобрятam Рогоз. Входы Горечавка и Багульник устроили прямо под водой, а саму хатку сделали до того крепкой, что её никому не разломать, нечего и пытаться.

— А зачем её ломать? — поинтересовался Мятлик, жуя мягкий стебелёк.

Бобрята каждую ночь выбирались наружу через подводные коридоры и под присмотром больших учились искать еду. Родились они весной, но сейчас наступило лето, и Горечавка сказала: теперь молоком точно не обойтись. Черёмушка толком не понимала,

чем лето отличается от весны, но не возражала: молоко было слишком уж одинаковое, хоть и вкусное, а листья, ветки и побеги попадались разные — то сочные, то суховатые и ломкие.

— Мало ли, — важно отозвался Рогоз. — У нас тут всякое случается.

По густо-синему небу ползла в песчаной россыпи звёзд луна; иногда она бывала узкая, иногда — широкая, раздавшаяся. Под дневным солнцем бобры почти не гуляли, зато малыши порой заигрывались до утра, и после рассвета старшие волокли их обратно, подхватывая лапами под брюшко. Но темнота — совсем другое: плавай себе, осторожно прохаживайся по самому краешку берега и запоминай, какие травки

годятся, а к каким и принюхиваться не стоит. В лесу скрипело и ухало; среди кустов, выросших на месте срезанных Горечавкой осин, хозяйничал неразговорчивый заяц. Поодаль кто-то топал, шуршал, выдыхал: «Уф!» — и уходил.

Однажды в кустарнике захрустело громче обычного. Бобрята спрятались за отца, но Багульник не испугался:

— О-о-о, пожаловал наконец...

В тусклом свете Черёмушка увидела огромную бородатую голову, из которой торчали ветвистые наросты — вроде кривых зубов; голова шумно фыркнула и приникла губами к воде.

— Папа, — шепнула Черёмушка. — Ну папа! Почему на нём зубы?

— Не зубы, а рога, дурочка, — проворчал Рогоз. — Это ведь лось.

— Откуда же ей лось знать? — упрекнул его Багульник. — Рога, они самые.

— Лось, — выговорила Черёмушка. — Ого! А рога для чего?

Багульник засомневался:

— Бодаться, наверное?

— Я тоже умею бодаться, — ответила Черёмушка и с размаху ткнулась в Рогоза лбом, чтобы не обзавался.

Напившись, лось качнул рогами:

— Благодарю вас.

— Вы бы к нам почаще заходили, — вынырнула Горечавка. — А то взяли и запропали.

Лось поднял горбоносую морду к луне:

— Да в общем... У вас и дети новые?

— Тройня! — Горечавка подтолкнула вперёд толстенького Хвоща, а тот смущённо зажмурился. Лось подслеповато всмотрелся:

— Славно... Очень славно.

Затем, тяжело повернувшись, он раздвинул малиник и побрёл сквозь чащу; сначала до бобров доносились звуки его грузных шагов, но вскоре они стихли.

— Мам! — опомнился Хвощ. — А лось — он опасный?

— С чего ты взял?

— Ты говорила, на запруде много опасного...

— Молодец, запомнил, — одобрила Горечавка. — Нет, лося можешь не бояться, бобрам он не враг.

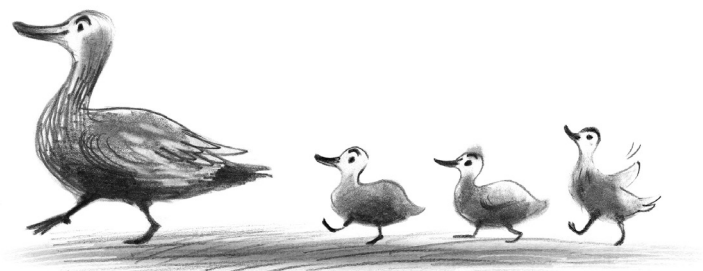
— А кому враг? — спросила Черёмушка.

— То не нашего ума дело, — отмахнулась хвостом Горечавка. — Нам, между прочим, нужно плотину поправить, не хотите поглядеть? А ты, Рогоз, притащи ветку.

Бобрята мигом забыли о лосе и увязались за Рогозом — помогать с веткой, сколько он ни упрашивал

их отстать. Но в голове Черёмушки застряло слово: враг. Она повторила его вполголоса, подёргала усиками — и поплыла вдогонку за братьями по зыбкой лунной дорожке.

Утята

— Во, — прошептал Мятлик, высунув мордочку из зарослей. — Утята.

— Ага, — с восторгом ответил Хвощ, а Черёмушка добавила:

— Надо на них напасть.

Недавно бобрята научились драться — понарош-ку, не всерьёз — и боролись теперь с вечера до утра. Лезли они и к Рогозу, но брат только трогал их коготком, а с силой не толкался — боялся зашибить, хотя Черёмушка раза три ему говорила: ничего ты нас не зашибёшь. В конце концов возиться между собой им надоело, и они решили найти кого-нибудь ещё.

На запруде водились утки — кряквы и парочка чирков-свистунков. Нарядные селезни порой поднимали шум, а уточки тихо ворковали; крохотные пёстрые

утята носились за ними, разрезая воду. Бобрята двинулись было вперёд, шурша осокой, но тут над их макушками раздался строгий голос Горечавки:

— Ку-у-уда? Не вздумайте ни на кого нападать.

— Мы немножко, — попыталась возразить Черёмушка. — И убежим сразу.

— Сказано тебе... — заворчала Горечавка, но смягчилась, увидев, как погрустнел Хвощ. — Понимаете, у всех свои порядки. Охота играть — играйте, а уток не дразните, ладно?

— Ладно, — сдалась Черёмушка и лягнула Мятлика; он с воплем навалился на сестру, а Хвощ радостно прыгнул сверху.

Если сесть и долго не шевелиться, можно было выследить блестящего плавунца или паука-серебрянку — просто так, ни за чем. В воздухе повисали прозрачные стрекозы-лютки; от берега к берегу кочевали тучки мошкары, а в сумерки, сменяя трясогузок и мухоловок, начинали метаться рваными тенями летучие мыши. Их не боялись ни бобры, ни птицы. Зато в светлые часы над запрудой часто появлялся лунь. Тогда утки исчезали за стеной камыша, а Горечавка шикала на детей, чтобы и те прятались, а лучше — поторапливались домой.

— Киюй-киюй-киюй, — взвизгивал лунь и улетал.

— Мам! — спросила Черёмушка. — Чего он?

— Утят ищет. И тебя может утащить, ясно?

Черёмушка почесала ухо:

— Не-а, не ясно. Зачем меня утаскивать?

Горечавка подгробла к себе Хвоща и Мятлика:

— Он голодный, и птенцы его тоже, а в тебе, дружок, мяса много. И ты ему сгодишься, и утёнок, и мышь, и ящерица, и лягушка. Кого схватит, того и уьёт.

— Как — уьёт?

— Легко! Разорвёт и съест, и не будет больше утёнка.

Черёмушка замигала от изумления: она догадалась, что со съеденным утёнком, пожалуй, не поиграешь, но в её голову закралась пронырливым червяком и другая мысль.

— Мам! А когда трясогузка мошку ест, она её убивает?

— Убивает.

— А мы? Вот мы осоку едим, и камыш, и...

— Кыш отсюда, — ласково сказала Горечавка.

Утята кружили у коряги, время от времени пропадая под ряской. Черёмушка подобралась поближе и впервые окликнула их:

— А на вас лунь охотится.

Утята посмотрели на неё чёрными глазками:

— Знаем.

— Да? — запнулась Черёмушка. — Ну, вы ему не очень-то попадайтесь.

— Не будем, — пообещали утята. — Мы и сами не хотим.

— Конечно, лунь ужасно голодный, а в вас мяса много, — продолжила рассуждать Черёмушка. — Но я думаю...

— Ты не думаешь, ты языком молотишь, — пробурчала у неё за спиной Горечавка. — Извините, деточки, мы уходим.

Черёмушка получила от Горечавки крепкий нагоняй, зато утята с бобрятами подружились по-настоящему. Тузить друг друга они всё-таки не стали, но и плавать наперегонки оказалось ничуть не хуже. Позже, пока Рогоз уговаривал братьев угомониться и поспать, Черёмушка незаметно ускользнула к берегу.

— Луню нужно есть, и птенчикам его, — обратилась Черёмушка к камышам. — И непременно утят, а утятам не хочется... А вам?

Но камыши лишь покачивались, а летний ветер ерошил их кисточки.